

*Не верь
лучшей подруге!*

*русский
любовный
роман*

Светлана Демидова

Светлана Демидова

Не верь лучшей подруге!

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164453

Не верь лучшей подруге!: Эксмо; М.: 2007

ISBN 978-5-699-22314-5

Аннотация

Лучшая подруга увела любимого мужчину... Того самого, Алексея, которого в радужных мечтах Неля видела своим супругом. Кто она после этого? Змея, разлучница, предательница. А то, что Алексей не любил Нелю и жениться на ней не планировал, значения не имело. Когда оскорбленная женщина собирается мстить, такие мелочи ее не останавливают. Поэтому недолго коварной подруге наслаждаться – ее ждет справедливое возмездие. Такое, что мало не покажется...

Содержание

Глава 1 Оксана	4
Глава 2	30
Глава 3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Светлана Демидова

Не верь лучшей подруге!

Глава 1 Оксана

– Я знаю, Оксанка, почему он тебя бросил! – с многозначительным выражением лица сказала своей подруге кругленькая розовощекая молодая женщина по имени Неля.

– Ну? – вяло улыбнулась подруга. – Выкладывай...

– Во-первых... – Неля загнула один пальчик, – ...хотя, скорее всего, это и во-вторых, и в-третьих, и во всех остальных тоже! – Нелины пальчики сложились в хорошенький пухленький кулачок. – Ты, дорогая моя, всегда одинаковая, вот!

– Это в каком же смысле? – заинтересовалась Оксана.

– В прямом! У мужчин, если хочешь знать, есть три ипостаси, которым женщины должны соответствовать, и только тогда...

– Да ну?! – улыбнулась подруга, с удивлением округлив глаза и приподняв тонкие брови.

– Не перебивай, – помотала головой Неля, и собственные ее каштановые локоны, слегка отшлепав молодую женщину по пухлым розовым щекам, опять спокойно улеглись на плечи. – Именно три! Первая – мужчина интеллектуальный, вто-

рая – мужчина эмоциональный, а третья – мужчина инстинктивный!

– И что?

– А то, что надо чувствовать, понимаешь, чувствовать, какая ипостась мужчины в данный момент перед тобой!

– И что?

– Вот заладила одно и то же! – возмутилась Неля и даже пристукнула своим пухленьким кулачком по столику уличного кафе, за которым они с подружкой сидели. – С тобой со скуки помрешь!

– С тобой, можно подумать, очень весело, – недовольно буркнула Оксана и принялась сосредоточенно есть пирожное, запивая его уже почти совсем остывшим кофе.

Неля с завистью оглядела ополовиненный кремовый рулетик подружки, а потом – с неприязнью свою пустую тарелочку, вздохнула и продолжила:

– Со мной, по крайней мере, интереснее, потому что я то худею, то толстею. Все-таки какое-то разнообразие... Но я не о том! Вернемся к мужским ипостасям! Вот, например, когда мужчина находится в интеллектуальной ипостаси – ему нужна женщина-соратник, которая с удовольствием выслушает, когда он заговорит с ней о производственных проблемах, и, может быть, даже подскажет, куда лучше вставить какой-нибудь... шпиндель, или, на худой конец, вовремя подсунет нужный справочник. И заметь, сама она в этот момент должна выглядеть неброско, чтобы не отвлекать от пробле-

мы, но все-таки элегантно, чтобы мужчину от нее ненароком совсем не откинуло! Лучше, если на ней будет классический английский костюм с глухим свитером под пиджаком, а туфли – лодочки без всяких прибабасов, а прическа... такая... аккуратненькая...

– Ясно, – сказала Оксана и допила кофе.

Неля на всякий случай заглянула в свою чашку, еще раз удивилась тому, что она совершенно пуста, и вернулась к мужским ипостасям.

– Так вот! А если в данный рассматриваемый момент твой мужчина – эмоциональный, то женщина должна тут же раскрепоститься. Одежда в этом случае уже не играет существенной роли. Тут важно подключиться к мужчине на уровне эмоций. Можно даже выпить за победу его любимого «Зенита» или... там... в случае проигрыша. Главное, Оксанка, не перепутать, за выигрыш пьешь или за проигрыш!

– Хочешь, угадаю, как должна быть одета женщина, когда мужчина заявляется к ней в инстинктивном состоянии? – пряча улыбку, спросила Оксана.

– Попробуй... – с большим сомнением покачала головой Неля.

– Она вообще не должна быть одетой! – не удержавшись, расхохоталась Оксана.

– Напрасно смеешься, между прочим! – Неля смотрела на подругу с чувством превосходства. – Голой... это тоже, конечно, неплохо, но не лучший вариант!

– Не может быть!

– Может! Есть кое-что и получше раздетой женщины!

– И что же?!

– Женщина полураздетая! Это мужчин волнует гораздо сильнее, если хочешь знать!

– Ты-то откуда этих премудростей набралась? – продолжала улыбаться Оксана.

– Оттуда! Читать надо больше!

– И что же ты, Нелечка, читаешь?

– Щас, – Неля порылась в объемистой сумке и выложила на столик несколько ярких гляцевых журналов. Она перебрала их толстенькими пальчиками и остановилась на одном. – Вот! В этом! Журнал называется «Дамские штучки»! Тут как раз статья про мужские ипостаси и вообще... очень много полезного... Бери, дома считаешь!

– Ты же мне уже все рассказала!

– Повторенье, Оксана, – мать ученья!

– Нель, а там не сказано, что делать, если у мужчины в голове одновременно шпиндель, футбол и полураздетая женщина?

– Не сказано, но можно дойти и своим умом! Женщина должна интуитивно чувствовать, что в его голове в данный момент главенствует!

– А если, Нель, ошибешься? Он думает о шпинделе, а я выйду в коридор встречать его в стрингах и чулках с подвязками?

– Н-ну и что такого? Увидишь в его голове шпиндель, охнешь, скажешь, что только что из душа, и переоденешься.

– В английский костюм?

– Ну... не надо воспринимать все так буквально! Думаю, в домашней обстановке джинсы со свитером тоже подойдут. Главное, чтобы все... лишнее было закрыто и не отвлекало мужчину... А вот тут... – Неля вытащила из пачки еще один журнал, – тут написано, как правильно вести себя в постели...

Оксана уже с раздражением захлопнула журнал подружки и спросила:

– А тебе не кажется, Нелька, что эти твои журнальчики развернули жуткую кампанию, направленную против женщины как человеческого вида?

– В каком смысле? – ужаснулась Неля и схватилась рукой за сердце.

– Задача этих журналов, милая моя, выдрессировать женщин как собак, которые приносят вернувшимся со службы мужчинам тапочки в зубах. А я, Нель, не хочу быть дрессированной женщиной! Я хочу, чтобы мой мужчина старался под меня подстраиваться и соображал, что у меня в данный момент в голове: шпиндель или губная помада!

– Не надо все драматизировать, Оксана! У мужчин тоже есть свои журналы. Их там наверняка учат, как правильно вести себя с женщинами.

– Ты так думаешь?! – сатанински расхохоталась Оксана. –

Ты их читала?

– Зачем мне их читать? Я женщина традиционной ориентации.

– А я вот... читала! Специально купила журнал... «Настоящий мужчина» называется.

– И про что там пишут?

– Про все, что их интересует: спорт, алкоголь, табак, машины, серфинг, дайвинг, гей-клубы, и про то, как использовать женщин! Понимаешь?! Не про то, как правильно вести себя с ними в постели и подстраиваться под их ипостаси! И даже не про то, как их любить, обожать! Только про то, как лучше использовать!!

– Да ну... – отмахнулась от подруги Неля. – Не может быть...

– Еще как может! В том номере, который я купила, была статья под названием «Женщинам всегда нужно врать!».

Неля в изумлении приоткрыла свой кукольный ротик.

– Да-да, Нелечка! Именно так и написано: всегда врать! Красными буквами! А дальше на трех страницах – краткий курс обучения изощренному вранью в разных жизненных ситуациях. И еще: как искоренить в себе комплекс порядочного семьянина.

Неля глядела на подругу с неподдельным ужасом в глазах, а губы ее самопроизвольно то вытягивались трубочкой, то растягивались в жалком подобии улыбки.

– А женщины, Нелечка, у настоящих мужчин делятся все-

го на две категории, а именно: дуры, которые знают, что они дуры; и дуры, которые об этом даже не догадываются. Ты себя к какой категории причислишь?

– Я-то... – Неля все еще жалко улыбалась, – пожалуй, ко второй...

– А я отношу себя к третьей категории, до которой мужичье не додумалось!

– К какой?..

– Я дура, которая об этом уже догадалась и не позволит больше считать себя таковой.

– Знаешь, что я скажу тебе, Оксана! – наконец пришла в себя Неля. – Давай все-таки не будем идти на поводу у мужских журналов, тем более что не все мужики их читают. Вот скажи, твой Корнеев их читал?

Оксана отрицательно покачала головой.

– Что и требовалось доказать! – Порозовевшая и уже совсем успокоившаяся Неля предложила: – А не испить ли нам по этому поводу еще по чашечке кофе с пирожным? Я в меню видела какую-то «Лунную сонату»!

– Нелька! Ты ж худеешь! – воскликнула Оксана.

– Да ладно! Один раз живем! – опять стукнула по столику кругленьким кулачком Неля.

Расставшись с подругой, Оксана поехала домой. Быстренько переодевшись в домашнюю одежду, она придвинула к себе листочек со вчерашними расчетами. Конечно, в арен-

ду взять помещение дешевле, чем выкупить, тем более что дохода ее бизнес не приносит никакого, поскольку еще и не начат. Но если брать помещение в аренду, то всегда будет существовать опасность того, что найдется кто-нибудь, кто его выкупит, а она останется на улице с неустойкой в кармане, а может, даже и без нее. Так что лучше все-таки поднажиться и выкупить.

Оксана решительно зачеркнула вчерашние расчеты и принялась за новые. Итак... Просчитаем по максимуму. Выкуп одного квадратного метра площади с арендной платой в тысячу долларов будет стоить тысячу пятьсот, значит, выкуп всего помещения составит около шестидесяти тысяч. На каждые десять квадратных метров площади понадобится продавец с зарплатой не менее трехсот долларов. Товароведом пока она будет сама, поэтому нанимать никого не станет. Бухгалтеру, без которого не обойтись, придется платить тысячу – тысячу пятьсот долларов.... Еще столько же уйдет на торговое оборудование. Значит, за вычетом собственной зарплаты ей на первое время понадобится около семидесяти пяти тысяч долларов. Корнеев обещал отступных – шестьдесят тысяч. Что ж, придется просить больше. Хотя, конечно, семидесяти пяти тысяч мало. Она сама ведь должна хоть что-нибудь есть.

Боясь передумать, Оксана придвинула к себе телефонный аппарат и автоматически, не напрягая память, набрала номер.

– Соедините меня, пожалуйста, с Иваном Леонидовичем, – потребовала она у секретарши.

Ее голос эта белая мышь узнала сразу, поэтому без лишних вопросов переключила аппарат. Наверняка станет подслушивать. Ну и пусть слышит! Не жалко.

Сначала в трубке прозвучали электронные переливы, а потом знакомый до спазм в груди сочный мужской голос сказал:

– Корнеев слушает.

– Иван, это я, – пролепетала Оксана и тут же откашлялась. Голос не должен звучать жалко.

– Ну?! – гаркнул Корнеев.

– Что значит «ну»? – возмутилась Оксана. – Нельзя ли поприветливей?!

– Оксана! Я занят! Давай покороче!

– Пожалуйста. Ты обещал мне шестьдесят тысяч, а мне надо... восемьдесят.

– Зачем тебе столько? Мы, кажется, обо всем уже переговорили!

Оксана представила, как Корнеев раздраженно кривит губы, но решила не отступать.

– Я все просчитала, Ваня. Я хочу выкупить площадь. Так надежнее. Эти лишние, то есть неучтенные в нашем договоре двадцать тысяч я тебе обязуюсь вернуть.

– Когда?

– Когда-когда... Когда дело пойдет, вот когда!

– Хорошо, – немного подумав, ответил Корнеев, и теперь Оксана вынуждена была спросить:

– Когда?

– Что когда?

– Когда я получу деньги?

– Так срочно надо?

– Иван! Ну ты же в курсе, что я уже нашла помещение. Если буду тянуть с оплатой, его у меня уведут из-под носа.

– Ладно, заеду сегодня, – без особого энтузиазма согласился Корнеев.

– Во сколько?

– Как всегда! – опять рявкнул Корнеев и отключился.

«Как всегда» – означало в 21.00. Иван Корнеев был одним из директоров крупной деревоперерабатывающей фирмы под претенциозным названием «Древо жизни» и работал всегда допоздна, чуть ли не до полуночи. Ради свиданий с Оксаной он вынужден был отрываться от работы пораньше.

...Оксана познакомилась с Иваном Корнеевым больше десяти лет назад, когда он работал сменным мастером на фанерном комбинате и как раз готовился к повышению – в заместители начальника цеха.

Оксане было двадцать пять лет, когда она, придя на случайную вечеринку с одним молодым человеком, ушла с нее с другим. Иван оказался двоюродным братом хозяйки дома и сразу покорило Оксанино сердце. Во-первых, он был

лет на пять старше всех присутствующих, а потому казался интереснее, серьезнее и значительнее. Кроме того, он имел эффектную запоминающуюся внешность. Иван совершенно не соответствовал своему русскому имени. Он был жгучим брюнетом с очень темными карими глазами и щеками, выбритыми, что называется, до синевы. Брюнеты зачастую седеют довольно рано, что не обошло и Корнеева. Он, правда, умудрился поседеть очень импозантно. Падающая на лоб прямая жесткая челка имела широкую и совершенно белую прядь. Казалось, будто Иван специально высветлил себе часть волос для привлечения к своей персоне повышенного женского внимания. И надо отметить, что очень многие девушки на той вечеринке самым отчаянным образом строили ему глазки, невзирая на явное неудовольствие собственных кавалеров. Они жарко обнимались с ним во время медленных танцев и пили с красавцем на брудершафт. Но Иван почему-то сразу выбрал из всех девушек Оксану, хотя она, в отличие от него, не отличалась яркой внешностью: была самой обычной сероглазой шатенкой. Она весь вечер чувствовала на себе его внимательный, изучающий взгляд. Танцевать он пригласил ее всего один раз, но сразу шепнул в ухо, что уйти из дома сестры собирается именно с ней. Оксана и не думала противиться. Кроме взгляда Ивана и этого его интимного шепота, она ничего не запомнила с той вечеринки. Она потом никак не могла вспомнить, куда делся Андрей Петров, с которым она пришла в гости. Конечно, впоследствии он еще

не раз напомнил ей о себе, но ей уже не было до него никакого дела. Она влюбилась в Ивана Корнеева, как ей казалось, до сумасшествия и полного самоотречения.

Затем выяснилось, что Иван женат и даже имеет дочь. Когда Оксана об этом узнала, она проплакала сутки напролет и на следующий день сказала ему гордое: «Нет!» Корнеев пропустил это мимо ушей, и они продолжали встречаться после Оксаниного «Нет!» еще десять лет.

Шли дни, месяцы, годы. Менялись люди и страна. Из заместителя начальника цеха фанерного комбината путем то болезненных мутаций, то неожиданно легких метаморфоз Иван Корнеев преобразовался в одного из совладельцев деревоперерабатывающей фирмы «Древо жизни». С женой он развелся, и вовсе не из-за Оксаны. Лиза Корнеева не смогла вытерпеть того, что она являлась женой только де-юре, а де-факто Иван женат на своем «Древе жизни», поскольку именно там проводит не только дни, рабочие и выходные, но еще прихватывает и ночи и, вдобавок, никогда не бывает в отпуске.

Мать-одиночка, показывая ребенку фото безвозвратно сгинувшего папаши, обычно говорит, что он служил летчиком-испытателем и погиб при исполнении особо секретного задания. У Лизы Корнеевой, вместо одной-единственной фотографии, имелось целое портфолио, представляющее Ивана в самом выгодном свете, но она все равно чувствовала себя вдовой погибшего летчика. Ее не удовлетво-

ряли даже деньги, которые бизнесмен-испытатель приносил домой во всевозрастающем количестве и, преимущественно, после полуночи, будто всамделишный погибший летчик, регулярно восстающий из могилы.

Когда Лиза, забрав дочку, ушла от Корнеева к своему бывшему однокласснику, служившему простым механиком автосервиса, Оксана очень обрадовалась. Она решила, что уж теперь-то они с Иваном непременно объединятся, но не тут-то было. Оказалось, что бизнесмен от деревоперерабатывающей промышленности совершенно не нуждается в семье. Он даже в сексе нуждался очень мало. Порой он засыпал в Оксаниной постели, не дождавшись, пока она всего лишь сбросит халатик и упадет в его объятия.

Два раза, правда, Оксане, везло. Корнеев очень своевременно, то есть именно в тот момент, когда она впадала в настоящее отчаяние и собиралась подыскать себе какого-нибудь свободного механика автосервиса, вывозил ее на пляжи Анталии. И там, вдали от нужд «Древа жизни», они с Корнеевым предавались сплошной любви и неге. На шелковых простынях пятизвездочного отеля Оксана убеждалась, что Иван влюблен в нее не меньше, чем когда они только-только познакомились. Она не сомневалась, что, вернувшись из Анталии, они наконец поженятся и она вознесется на самую вершину блаженства. Иван был не против. Уже там, в Турции, он купил ей чудесное обручальное кольцо с двумя бриллиантами: одним побольше, другим поменьше. Пока-

зав на бриллианты, российский бизнесмен очень трогательно произнес прямо у прилавка: «Это ты и я» и так долго целовал Оксану в губы, что в магазине приостановился торговый процесс.

Вернувшись домой, Корнеев моментально ушел с головой в работу и напрочь забыл обо всех своих обещаниях и даже о фразе «Это ты и я». Когда Оксана показывала ему кольцо и вновь объясняла его истинное предназначение, неутомимый бизнесмен хватался за голову, говорил: «Ах да!» и тут же забывал об этом снова. Оксана терпела, потому что любила, потому что знала совершенно точно, что, кроме нее, у Корнеева никого нет.

В тот момент, когда она опять выдохлась от бесплодного ожидания, Иван вновь взял тур в Анталию. Оксана хотела схитрить и предложила расписаться до поездки, и он опять согласился, но дело корнеевской жизни снова восстало против естественного женского желания замужества. Иван не только не успел дойти до загса, он чуть не опоздал на самолет в Турцию.

Анталия на то и существует, чтобы в ней человек расслаблялся, размягчался и забывал о проблемах, которые мучили его до того, как он ступил на ее солнечные пляжи. И Оксана вновь расслабилась, размягчилась и опять уверилась в том, что уж теперь-то Иван никуда от нее не денется. По приезде в Питер она расшибется даже не в лепешку, а в самый что ни на есть тощий блин, но женит на себе Корнеева. И она

билась, и расшибалась, и все же осталась при своих интересах. Иван по-прежнему посещал ее набегам, как половецкий хан, а все остальное время отдавал «Древу жизни».

Оксана несколько раз ловила себя за руку, чтобы не запалить здание ненавистного «Древа», когда наконец с горечью осознала, что пять лет ее жизни брошены коту под хвост. К тридцати годам у нее не было ни мужа, ни детей, а личная жизнь состояла из сплошного ожидания любимого мужчины. Любимого! В этом было все дело. Оксане легче было свести счеты с жизнью, чем отказаться от бесконечного ожидания Корнеева, которое все-таки оставляло ей какую-то надежду. Она была уверена, что Иван тоже любит ее, и если бы не проклятый бизнес, который делает мужчину чуть ли не бесполом, то...

Впрочем, через три года, после последней поездки в Анталию, Оксана поняла, что самым жестоким образом ошибалась. Жгучая любовь к ней Ивана давно канула в Лету, как тот фанерный комбинат, на котором он когда-то работал сменным мастером. Бизнесмену Корнееву не нужна была любовь. Ему нужна была женщина без особых претензий для отправок естественных потребностей организма. Ли-за претензии предъявляла, поскольку являлась законной женой, а у Оксаны никаких прав на претензии не было. Возможно, она еще не скоро дошла бы до осознания этой простой истины, если бы от Корнеева вдруг не стало пахнуть чужими духами, приторными и удушающими, как всегда име-

ют обыкновение пахнуть чужие духи. Оксана никак не могла взять в толк, откуда у Ивана взялось время на еще одну наложницу, если учесть его фантастическую загруженность делами «Древа жизни». Но довольно скоро, хотя Оксана и не задавала никаких вопросов, Иван признался в интимных отношениях с собственной секретаршей, в которые вступил вовсе не потому, что она натуральная блондинка и на пятнадцать лет моложе Оксаны, а всего лишь ввиду близости ее географического расположения относительно его рабочего места. К Оксане после трудов праведных надо было тащиться от «Древа жизни» через весь город, а секретарша всегда имелась под рукой.

– Ольга Васильевна тоже была у тебя все время под рукой, – ядовито и совершенно напрасно заметила ему Оксана, – но ты почему-то никогда не допускал ее до своего тела!

Бывшей секретарше Корнеева Ольге Васильевне было около шестидесяти, и она уволилась, чтобы хоть на старости лет начать наконец личную жизнь, то есть сидеть с внуком. Понятно, что она не могла позволить себе по отношению к своему боссу исполнять, кроме секретарских, еще и обязанности интимного свойства, но Оксана не могла не уколоть этим Корнеева. Надо сказать, что Иван ничуть не смутился. Он всего лишь пожал плечами и сказал:

– Ну... она же старая...

Оксана подошла к своему любовнику вплотную и, не мигая, глядя в его почти черные глаза, спросила:

– Скажи, Ваня, а ты... любил меня?

Корнеев как-то угловато дернулся, отвел взгляд и ответил:

– Честно говоря, не знаю, Оксана... Сначала, конечно, любил, а потом... потом... – Он вдруг повернул к ней лицо и почти прокричал: – Я очень занят! Ты же знаешь! Работа – это смысл моей жизни, и меня... не хватает на любовь! Уж ты-то давно должна была это понять!

– А я не хотела этого понимать! – тоже закричала Оксана. – Я надеялась на любовь, как надеется любая женщина. Я не хотела считать себя секс-приложением к твоему треклятому бизнесу! А ты – подлец! Использовал меня целых десять лет, а теперь бросаешь, как ненужный обрезок деревянного бруса... или... еще чего-нибудь... чем ты там в своем «Древе» занимаешься.

– Оксана! – взял ее за плечи Корнеев. – Ты ведь в любой момент могла послать меня ко всем чертям! И я бы понял тебя правильно! Я ушел бы!

Оксана сбросила с плеч его руки и тихо сказала:

– Ты идиот, Корнеев. Деревянный чурбан. Настоящее дерево!!! Я же тебя любила... да что там... – она безнадежно махнула рукой, – я и сейчас люблю...

После этих Оксаниных слов Иван обнял ее, прижал к себе, и в этот вечер и ночь все опять было, как всегда. Оксана изо всех сил пыталась доказать Ивану, что никакая близлежащая секретарша не сможет доставить ему такое наслаждение и так любить, как любит его она. После этого Корнеев

еще несколько раз приходил к ней, но от него пахло все теми же удушающими духами.

– Слушай, Ваня, зачем ты ко мне ходишь, нанося тем самым невосполнимый урон фирме «Древо жизни»? – спросила как-то Оксана.

– В каком смысле? – взвился Корнеев. – При чем тут фирма?

– Ну как при чем? Один из директоров компании целых два раза в сутки позволяет себе отвлекаться на женщин! Так можно завалить все дело!

Иван, сурово сдвинув брови, ничего не ответил на этот ее выпад, а Оксана, отодвинувшись от него на край постели, сказала:

– Я отпускаю тебя, Ваня...

– Оксана! – тут же навис над ней Корнеев. – Ну... ты прости меня, если, конечно...

– Никаких «если, конечно»! – увернулась от него Оксана, чтобы опять не попасть под чары его черных глаз. Надо изгнать наконец его из своей жизни. – Я еще не договорила. Итак: я тебя отпускаю, но ты... – Она резко села в постели и ткнула ему пальцем в грудь, – ты платишь мне... неустойку или... отступные... Как хочешь, так это и называй!

– В каком смысле? – изумился Корнеев.

– В прямом! Ты ведь у нас бизнесмен?

– Допустим...

– Бизнесмен! – повторила Оксана. – А в мире бизнеса все

покупается и продается, не так ли?

– Я не понимаю, о чем ты...

– О том самом, Ванечка! Я хочу... нет... я требую, чтобы ты заплатил мне за те десять лет, которые я на тебя убила!

– Убила? – слегка охрипшим от негодования голосом спросил Корнеев. – Мне кажется, ты говорила о любви!

– Вот и заплати мне за мою безответную любовь и десятилетнюю преданность, – не сдавалась Оксана, с трудом сдерживаясь, чтобы не разрыдаться.

Этих ее сдерживаемых рыданий Корнеев не заметил, вскочил с постели и стал поспешно одеваться, роняя поочередно носки и промахиваясь то одной, то другой ногой мимо брючин.

– И сколько же ты хочешь? – сухо спросил он и опустился на постель в расстегнутых брюках и скомкав в руке рубашку.

– Шестьдесят тысяч, – ответила она.

– Надеюсь, рублей?

– И не надейся! Долларов! Зелененьких хорошеньких баксов!

– Почему так много? – изумился Корнеев.

– Ты считаешь, что моя любовь стоила меньше?

Бросив на нее испепеляющий взгляд, Иван опять вскочил и начал одеваться дальше.

– Надо же, как благородно мы негодуем! – не удержалась от нервного всхлипа Оксана. – А ты не задавался вопросом, как я стану жить, когда ты от меня окончательно отвалишь?

Корнеев молча рассовывал по карманам выпавшие из пиджака вещи: мобильник, бумажник, связки ключей. Оксана тоже вскочила с постели, набросила на плечи халатик и в один прыжок очутилась у дверей комнаты, чтобы помешать ему уйти все так же молча.

– Я тебе, благородный бизнесмен, посоветовала бы узнать зарплату медсестры, каковой являюсь. И смотри не перепутай! Сумму тебе укажут не в долларах, а в рублях! В родных голубеньких тысячах!

– Все равно не понимаю, зачем тебе такая куча баксов? – недовольно буркнул Корнеев.

– А я хочу открыть свое дело! Тоже желаю заниматься бизнесом, как ты!

– Каким еще бизнесом? – скривился он.

– Не волнуйся, не деревоперерабатывающим! Конкуренции твоему мерзостному «Древу» не составлю!

– И все-таки каким?

– А вот это, Ванечка, не твое дело! Я собираюсь окончательно и бесповоротно от тебя отпочковаться... отпасть и зажить наконец нормальной самостоятельной жизнью.

– Ну... ты зря так злишься... – начал сдаваться Корнеев. – Просто у меня нет сейчас такой налички... и потом... в деле бизнеса я мог бы тебе что-нибудь подсказать... помочь...

– Никакой помощи мне от тебя, Ваня, кроме денег, не надо. А наличку можешь... копить, пока у меня еще есть другие дела.

– Какие? – ревниво спросил Корнеев.

– Ваня-я-я... – укоризненно протянула Оксана. – Пора перестраиваться! Теперь ты должен жить интересами исключительно своей новой секретарши!

Корнеев попытался отодвинуть ее со своего пути и выйти в коридор, но Оксана стояла неколебимо.

– Так когда я могу прийти за деньгами? – спросила она.

– Куда прийти? – отшатнулся от нее Иван.

– В твое паршивое «Древо»!

– Зачем тебе идти? Я могу тебе привезти...

– Ну нет! Забудь сюда дорогу, Ваня! – Оксана постаралась как можно презрительнее смерить его взглядом. – Ты распорядишься, чтобы твоя новая любовница выписала мне пропуск, и передашь мне деньги из рук в руки в твоём собственном кабинете!

Оксана знала, что Корнеев не любит торговаться и тратить время на уговоры, поэтому надеялась на его согласие. Так оно и случилось.

– Хорошо, – кивнул головой Иван. – Я позвоню.

Оксана пропустила его в коридор, терпеливо подождала, пока он наденет обувь и куртку, и высунула вслед за ним голову на лестничную площадку, чтобы крикнуть:

– Не забудь позвонить, Ваня! А то я сама позвоню, и трудно спрогнозировать, что услышит от меня твоя секретарша!

Корнеев опять кивнул, но уже не поворачивая в ее сторону головы, и скрылся за дверями подъехавшего лифта. Те-

перь можно плакать, рыдать, биться в истерике, но слез почему-то не было. Очевидно, они все испарились от того жара, с каким она забрасывала словами Корнеева. Интересно, что он подумал о ней и обо всем только что между ними происшедшем? Наверно, обрадовался, что вовремя свалил от оголтелой акулы, которая долго маскировалась под любящую женщину, а теперь наконец проявила всю свою подлую сущность. Ну и ладно! Пусть он лучше ее ненавидит и живет с собственной секретаршей. Она, Оксана, его, конечно, все еще любит, но уже не с таким надрывом, как десять или хотя бы пять лет назад. Яркое радужное чувство несколько поистерлось и посеκлось, как любимый, но уже очень старый шелковый платок, подаренный ей еще бабушкой. Надо начинать новую жизнь. Ей всего тридцать пять. Не пенсионерка. Она еще найдет свое счастье. Не зря же говорят, что тридцатилетние женщины нравятся всем, начиная от сопливых тинейджеров и заканчивая безнадежными стариками.

Корнеев не обманул. Оксане не пришлось ему ничего напоминать. Он пригласил ее в «Древо жизни» очень вовремя.

Часа три Оксана потратила на прическу, макияж и выбор подходящей одежды. Ей хотелось, чтобы Корнеев пожалел о том, что променял ее на другую, а той, другой, дать понять, что у Ивана Леонидовича есть о-го-го какие знакомые и что расслабляться ей не стоит.

Новая секретарша оказалась очень светлой блондинкой лет двадцати с небольшим. Никаких других достоинств Ок-

сана в ней не заметила. Тяжелые терпкие духи были скорее ее недостатком. Бросив на девушку пренебрежительный взгляд, походкой супермодели Оксана без слов прошла мимо нее в кабинет Корнеева. У Ивана чуть не отвалилась челюсть, когда он ее увидел не раздетой на ночь и не в минимизированной одежде пляжей Анталии, а в полной боевой готовности. На ней был стильный черный брючный костюм без блузки. Волосы она свернула на затылке в узел, выпустив по обеим сторонам лица легкие прядки. Довершали картину помада под названием «Кофейный десерт», пудра «Золотая пыль» и тушь для ресниц «Стрелы любви».

Все с той же не закрывающейся челюстью Корнеев передал Оксане плотный конверт и даже вышел ее провожать в собственную приемную. У стола секретарши Оксана вытащила мобильник и набрала номер приемной. Белобрысая девчонка резво схватила трубку. Глядя ей прямо в глаза, Оксана не дала секретарше даже произнести: «Приемная господина Корнеева».

— Это я вам звоню, — сказала она. — Запоминайте, милочка, мой телефонный голос и в будущем соединяйте меня с Иваном Леонидовичем без всяких промедлений. Поняли, деточка?

Оксана отключила телефон. «Деточка» испуганно кивнула, продолжая держать у уха пищашую трубку. Дождаться, пока она сообразит ее положить, Оксана не стала, а все той же походкой уверенной в себе женщины вышла из приемной.

На улице она чуть не расплакалась. На кого ее променяли? На жалкого испуганного ребенка! Она же в дочери ему годится! Неужели Ивану все равно, с кем спать? Не любит же он эту девчонку, в самом деле! Ему, наверно, удобно, что у нее по молодости и глупости еще меньше к нему претензий, чем у Оксаны? У секретарши небось заходится сердчишко, когда прямо в кабинете к ней под юбочку лезет сам босс и одновременно красавец-мужчина в самом расцвете лет и половых сил. А она в ответ, конечно же, собирается пролезть к нему в жены, наивная простушка!

...И вот сегодня Оксана почему-то опять позволила Корнееву приехать. Зачем? Она уже почти отодрала его от себя. Стоит ли беречь почти зарубцевавшуюся рану? Впрочем, он с таким равнодушием говорил с ней по телефону, что, скорее всего, произойдет только деловая передача денег и не более того. Оксана решила даже не переодеваться к приходу Ивана. Спортивный костюм – самая подходящая одежда для предстоящего свидания.

Когда время стало приближаться к 21.00, Оксану почему-то вдруг начало трясти. Днем она совершенно спокойно думала о Корнееве, но стоило за окном сгуститься осеннему мраку, как ей вспомнились его поцелуи и объятия. Как же она его любила! Как же соскучилась по его горячим нетерпеливым губам и сильному красивому телу! К черту спортивный костюм! Она встретит его в том замечательном пеньюа-

ре из пенистых кружев, который Иван сам же ей и подарил! Пусть попробует устоять! Его белой мыши такие кружева не подойдут. Она с ними сольется и вообще пропадет с глаз долой!

Оксана юркнула в душ, тщательно вымылась с самым душистым гелем, надела на благоухающее тело пенные кружева и принялась сушить длинные, по пояс, волосы. «Он не устоит!» – билось у нее в висках. Он не сможет устоять, даже если по Нелькиной теории будет находиться в интеллектуальной ипостаси. Она, Оксана, конечно, запросто может поговорить с ним о деревянном брусе и вагонке, но всякий брус встанет у него поперек горла, когда он увидит ее блестящие волосы и просвечивающее сквозь кружево тело. Все-таки она здорово похорошела с тех пор, когда они только с ним познакомились. Далеко не всегда юность является преимуществом... А уж когда он почувствует исходящий от ее кожи запах мадагаскарского жасмина...

Звонок в дверь застал ее с феном в руках и в состоянии сумасшедшего желания мужских объятий. Торопливым движением Оксана забросила фен на шкафчик ванной комнаты, тряхнула за ворот пеньюар, чтобы он самым соблазнительным образом спустился с плеча, и пошла открывать.

На пороге стоял Иван Корнеев под ручку со своей белобрысой секретаршей, взятой, очевидно, в качестве секьюрити. Возможно, он ожидал подобной провокации со стороны Оксаны и решил подстраховаться. Нечеловеческим усили-

ем воли подавив подступившие к горлу рыдания, Оксана почти выскочила на лестничную площадку, прикрыв за собой дверь и, как можно эротичнее, проговорила:

– Извините, что не приглашаю. У меня... гость... сами понимаете... – И она повела плечом, чтобы кружева сползли еще больше. – Так что у тебя, Иван, всего несколько минут.

С перекошенным от не слишком ясных Оксане чувств лицом Корнеев сунул руку во внутренний карман куртки и вынул еще один плотный конверт, абсолютный близнец первому, в котором он уже передавал ей деньги. Оксана ловко выхватила его у него из рук, послала бывшему любовнику воздушный поцелуй и скрылась за дверями своей квартиры. Она закричала бы изо всех сил раненым зверем, если бы те двое еще не стояли на площадке в ожидании лифта. Надо же быть такой идиоткой! Сегодня она с полным основанием может отнести себя ко второй категории женщин в градации журнала «Настоящий мужчина». Весь вечер она вела себя как дура, которая даже не догадывается об этом. Ведь уже давно ясно, что между ней и Корнеевым все кончено. И чего она так раздухарилась? Гель, духи... кружева на обнаженном теле... Мужской ласки захотела? Маньячка! Шизофреничка! Но у его белой мышки глаза чуть не вылезли из орбит! Значит, все-таки один – ноль в ее, Оксанину, пользу! Это приятно, но больше она встречаться с Корнеевым не станет. Себе дороже. Она отошлет ему долг частями, электронными переводами.

Глава 2

Неля

– Ты совсем спятила, Оксанка, – заявила Неля, когда наконец соизволила забрести в магазин подруги. – Я думала, что у тебя модный бутик, а ты открыла какую-то пошлую комиссионку... Кому нужно все это барахло второй свежести? – Она обвела глазами полки и стойки с одеждой. – Сейчас в нормальных магазинах можно купить все, что душе угодно!

– Знаешь, Неля, – совершенно не обиделась на подругу Оксана, – когда я задумывала этот магазин, то исходила из собственных потребностей и потребностей своих знакомых... и, между прочим, даже подруг!

– Это каких еще подруг? – поджала сочно покрашенные губки Неля. – Я, например, ни за что не буду одеваться в комиссионке! В конце концов, всегда можно найти что-нибудь дешевое на вещевых рынках... или там... на распродажах...

– На распродажах тоже продают не дешево, а на рынках сама знаешь какой товар: до первой стирки!

– Слушай, Оксанка, а чего ты прикидываешься убогой? – И она передразнила подругу: – «Исходила из собственных потребностей...» Да твои потребности Корнеев наверняка удовлетворил уже до конца жизни! Или не так?!

Оксана сердито качнула головой:

– Ты же знаешь, я не общаюсь с Корнеевым уже второй год. А что касается вещей, которые он мне дарил... то я их... почти все... в свою комиссионку и отнесла.

– Зачем? – испугалась Неля.

– Затем, чтобы поскорее избавиться от всего, что меня связывало с Иваном.

– То есть... ты хочешь сказать, что тот пушистенький джемпер... ну, который мне всегда нравился, из ангоры, – там? – Неля выбросила в сторону стоек с одеждой свою маленькую ручку с коротенькими пальчиками и очень длинными ногтями.

– Нет, его уже купили, – усмехнулась Оксана. – Зато там еще висит летний сарафанчик. Помнишь, с маками? Расклешенный! На тебя влезет, только укоротить придется. Сейчас не сезон, поэтому на него пока не обратили внимания.

– А сумочка... ну... такая... красная, под маки? – дрожащим от возбуждения голосом спросила Неля.

– Сумочка во-о-он на тех полках! – показала Оксана и обратилась к продавщице: – Займитесь клиенткой, Наташа. – Она хотела сказать подруге, что пока пойдет в свой кабинет, но Нелю ее местоположение уже совершенно не интересовало.

Оксана улыбнулась и действительно прошла в кабинет. Сев за стол, она, сверяясь с записью на перекидном календаре, набрала номер:

– Алексей? Здравствуйте! Это из комиссионного магазина «Новый взгляд». Да-да! Оксана Юрьевна. Я звоню, как мы с вами договаривались. Ну что? Вы все еще не решаетесь пойти ко мне товароведом?

В этот момент в дверь кабинета просунула свое розовощекое лицо Неля и заверещала от восторга что-то совершенно непонятное. Оксана приложила палец к губам и глазами показала подруге на кресло напротив.

– Простите, я не расслышала, – сказала она в трубку. – Значит, все-таки приедете посмотреть! Отлично! Конечно, меня это устраивает! Значит, до завтра! Ровно в двенадцать ноль-ноль я жду вас у себя в кабинете! Вы правы: вход именно со двора!

– И что это за Алексей? – спросила Неля, тут же забыв про только что приобретенные сарафан с маками, красную сумочку и еще пару хорошеньких блузочек.

– Товаровед! Наконец хоть кто-то откликнулся на мое объявление!

– А он какой из себя?

– Откуда я знаю? – рассмеялась Оксана. – Я же его еще не видела.

– Ну... а по телефону... голос какой? Молодой?

– Вроде бы не пожилой...

– Слушай, Оксан! А что, если я завтра зайду в твой... не в обиду будь сказано... секонд-хенд... как раз к двенадцати, будто бы что-нибудь купить? Ну... в общем, стану изоб-

ражать из себя толпу покупателей... чтобы ему... понравилось...

Оксана посмотрела в просящие голубенькие глазки подруги и расхохоталась уже от души:

– Нелька! Ты неисправима!

– А что такого? Мне тоже надо как-то устраивать свою жизнь! Не на улице же к мужчинам приставать! Нарвешься еще... А этот Алексей... все-таки товаровед... Наверняка приличный человек...

– Нель, а вдруг он женат?

– Вот я приду будто бы выбирать вещи, а ты мне мигнешь, если он окажется женат.

– А как я узнаю?

– Ну... во-первых, у него может оказаться обручальное кольцо, во-вторых, он же будет писать заявление о приеме на работу и заполнять какие-то... бланки...

– Он может и не согласиться у меня работать, да и никакие бланки мне не нужны. А слово «комиссионка» не одну тебя пугает.

– Он согласится, Оксанка, согласится! Я буду изображать такую заинтересованность твоим магазином, что он непременно захочет работать в эдаком бойком месте. Если надо, то я могу прийти с Любкой... ну... с соседкой по площадке... Ты ее знаешь! И еще Вальку могу позвать с четвертого этажа. Они обе завтра как раз выходные! А я, ты же в курсе, всегда могу подмениться!

– Вот только избавь меня от своих Любок с Вальками! – поморщилась Оксана. – Как вспомню, что они вытворяли в кафе, где мы твой день рождения отмечали, дрожь по коже продирает!

– Брось, Оксана! Завтра же они будут трезвыми!

– Никаких Валек с Любками!

– Хорошо! Как скажешь! Ну... а я-то... значит, приду, да?

– Все равно ведь придешь, даже если не разрешу! – опять рассмеялась Оксана.

– Зачем же не разрешать, когда можно по-хорошему? Или мы не подруги?

– Приходи. Разве от тебя отвяжешься?!

Неля радостно взвизгнула и бросилась Оксане на шею, практически улегшись всем своим коротеньким телом на массивный стол.

Неля Сергеевна Никодимова, давняя подруга Оксаны, действительно очень хотела устроить свою личную жизнь, которая сама собой никак не хотела устраиваться, начиная с самой юности. Кругленькая, толстоногая, с маловыразительным лицом, Неля абсолютно не интересовала мужчин. Она никак не могла понять, в чем причина такого беспардонного пренебрежения ею как женской особью, потому что считала себя ничем не хуже других. Почему-то этими другими мужчины увлекались, а ею – ни в какую!

Неля проплакала непрерывно два выходных дня после

свадьбы Люды Водовозовой, их с Оксаной приятельницы по медучилищу. Эта Водовозова, с точки зрения Нели, лицом была – вылитая лошадь. И ведь нашелся смельчак, который на это не посмотрел, а женился на прекрасной Людиной душе. Конечно, этот смельчак был несколько мелковат телом и лысоват головой, но это ничуть не умаляло его достоинств: однокомнатной, но очень большой квартиры в центре Питера, в старом фонде, и двух высших образований.

Конечно, сейчас, с появлением в широкой продаже бесчисленных дамских журналов, у Нели появилась надежда на то, что не все еще в ее жизни потеряно. Оксанка эти журналы презирала, за что и поплатилась. Она думала, что Иван Корнеев, красавчик и денежный мешок, выдан ей в вечное пользование, ан нет! Шалишь! Мало получить в свои руки приличного мужчину! Надо его еще суметь удержать! Вот она, Неля, сумела бы! Ей бы только его получить! У нее дома в голубой пластиковой папочке с кнопочкой хранились аккуратно вырезанные из любимых журналов и сколотые скрепочками материалы как раз на эту тему. Пусть себе Оксанка смеется сколько хочет. Давно известно: хорошо смеется тот, кто это делает последним! Если Оксанкин товаровед окажется ничего себе мужчиной, да еще и холостым, то наученная журналами Неля теперь знает, как правильно себя вести. А если – не холостым, то... это тоже ничего. В другой папочке, красной и клетчатой, у нее лежат материалы как раз о тех, кто неосмотрительно рано женился. Кстати, если уж гово-

ритель о женатых: водовозовский лысоватый муж женился на Люде, между прочим, вторым браком. И ничего! Они вполне счастливы в своей огромной однокомнатной квартире в самом центре Питера с двумя собственными их детьми, мальчиком и девочкой.

Вот если бы сейчас было лето, то Неля непременно нарядилась бы в только что купленный Оксанкин сарафан с маками. Конечно, подруга могла бы ей его запросто подарить, но что уж теперь об этом рассуждать? Купила так купила! Сарафан вообще-то стоит любых денежных вложений. Шелковый, широкий, летящий, он хорошо маскирует несколько полноватую Нелину фигуру. А вместе с красной сумочкой и с босоножками...

Но сейчас не лето. Сейчас осень. И довольно поздняя, что, в общем-то, тоже не плохо. Нелино демисезонное пальто, во-первых, черного цвета, который стройнит, во-вторых, очень просторное... А толстоватые ноги всегда можно скрыть брюками, тоже черными, из плотного, слегка искрящегося шелка. И сапожки на каблуках... И шляпку такую... с полями... Или лучше без шляпки? Волосы у Нели хорошие: густые, темно-каштановые... Лучше без шляпки. С локонами. Можно даже взять такси, чтобы они не растрепались на ветру. Или не брать? Потратишься, а этот товаровед окажется совершенно негодным к использованию. Может быть, у него вставной глаз или гнойные прыщи по всему лицу! А что? Такое тоже бывает... И, главное, человек не виноват, а всем

противно...

В конце концов Неля решила шляпку не надевать и поехать в подругин секонд-хенд на троллейбусе. Если что, то на такси всегда можно будет уехать обратно... вместе с товароведом. Не примется же он сразу за работу!

Таким образом, без шляпки, но в локонах, госпожа Никодимова явилась в комиссионку за полчаса до прихода товароведа. Пришлось временно снять скрывающее полноту пальто и остаться в хорошеньком джемпере густо-оранжевого цвета, к которому была подобрана искрящаяся помада, тон в тон. Словом, Неля себе очень нравилась, даже несмотря на то, что джемперок весьма недвусмысленно демонстрировал многоярусные складочки ее толстенького тельца. Пальто на всякий случай у нее было под рукой. Она надеялась, что всегда успеет элегантно набросить его на плечи, когда товаровед как воспитанный человек постучит в дверь Оксанкиного кабинета. Неля уже забыла о том, что собиралась изображать собой толпу покупателей, жаждущих комиссионных товаров, а подруга деликатно ей об этом не напоминала и даже поила кофе с маленькими круассанчиками с шоколадом внутри.

Товароведа Алексея привела в кабинет заведующей продащица Наталья, которая в прошлый раз предложила Неле вдобавок к сарафану и красной сумочке взять еще пару миленьких блузочек. В общем, эта Наталья была вестником хорошего и приятного, за что сразу полюбилась Никодимовой.

Неля сначала улыбнулась ей как старинной знакомой, а потом, слегка прищурясь, перевела взгляд на товароведа.

Товаровед оказался отличным. Ему было хорошо за тридцать, но без перебора. В самый раз. Он был не слишком высок, что тоже сразу же понравилось Неле. Зачем ей слишком высокий? Слишком высокий – это, может быть, и красиво, если смотреть со стороны, но неудобно при Нелиных габаритах. Одет прилично, но без шика, что тоже хорошо. Мужчины, которые слишком заботятся о своей внешности, – ненадежны. Это азбучная истина, которую, если кто все же ее не знает, всегда можно прочесть в любом дамском журнале средней руки.

Алексей с Оксаной говорили о чем-то нудном и неинтересном, а Неля ерзала на диванчике, буравя товароведа своими светлыми глазками. Лицо у него было тоже ничего. Обыкновенное. Розовое с бесчисленными веснушками. Если бы Неля Никодимова была стройной красавицей, то эти веснушки ей, возможно, не понравились бы: куда это годится, когда мужское лицо будто забрызгано желто-коричневым пигментом из неисправного краскопульта. Но у Нели имелись жирненькие складочки на теле. У него – излишки веснушек, у нее – излишки жировых отложений. Минус на минус всегда дает плюс, то есть если не замечать его веснушек (как Люда Водовозова не заметила лысой головы своего жениха), то товаровед из благодарности может не заметить погрешностей Нелиной фигуры.

Дальше. Дальше идут кудрявые волосы самого тривиального рыжего цвета (именно при таком оттенке общественность всегда подозревает человека в убийстве собственного дедушки лопатой). Но Нелю это тоже совершенно не расстраивает. У товароведа рыжие волосы, а у нее – чересчур маленькие глазки. Как их ни крась, они все равно кажутся крошечными на круглом щекастом лице. Опять-таки минус на минус...

А вот цвет глаз у Алексея в точности такой же невыразительный, как у самой Нели. Это уже идет в настоящий плюс, без всякого умножения минусов, потому что общность цвета всегда может стать общностью взглядов. А одинаковость губ... Нелю даже слегка передернуло от почти сладострастной дрожи, когда она представила, как соединяются в единое целое эти одинаковые губы... В общем, товаровед Алексей подходил ей по всем статьям. Только она успела это осознать, как Оксана сказала наконец нечто стоящее:

– Познакомьтесь, Алексей, это моя лучшая подруга – Неля.

Никодимова изобразила на своем лице самую обворожительную улыбку, на какую была способна, а замечательный товаровед лишь слегка раздвинул в стороны губы, чуть потрянул своими рыжими кудрями и снова повернулся к хозяйке магазина.

– Значит, завтра вы выходите на работу! – утвердительно заявила Оксана.

– Да. К десяти, – отозвался Алексей, и Неля совершенно обомлела от звука его низкого и сильного голоса. Такими голосами говорят лишь настоящие мужчины, которые, если что, действительно могут... не только лопатой, но и запросто – голым кулаком... Когда они вполголоса разговаривали с Оксаной, Неля, поглощенная созерцанием, не вслушивалась. Тем приятнее теперь ей было осознать, что она в Алексее не ошиблась.

– Кстати, я буду вам очень признательна, если вы довезете Нелю домой, – неожиданно для Никодимовой сказала вдруг Оксана и с особым выражением посмотрела ей в глаза. – Понимаете, она оказалась тут совершенно случайно... шла мимо и... в общем, подвернула ногу. Я сейчас вызову такси и... вы только не волнуйтесь, – предупредила она возражения, которые могли вырваться из уст нового товароведа, но, к чести его, так и не вырвались, – все оплачу. Вы с Нелей живете на соседних улицах, так что вам по пути, а я буду спокойна за подругу. Вы согласны?

– Конечно, я помогу вашей подруге, – все тем же неподражаемым голосом отозвался Алексей, вынул из кармана мобильник и вызвал такси. – И платить за меня не надо. Я и сам способен...

Когда Алексей предложил Неле руку, Оксана у него за спиной соорудила на своем лице такое странное выражение, что Никодимова от испуга даже не сообразила, что надо хромать. Оксана для примера тут же припала на одну ногу,

исхитрившись при этом пребольно ущипнуть Нелю за бок. Та очень натурально взвизгнула и завалилась на товароведа всем своим тяжеленьким телом. Алексей мужественно принял удар и осторожно повел несчастную к выходу. Возле такси Оксана мигала Неле уже обоими глазами попеременно, а Никодимова никак не могла прийти в себя от восторга. Оксанка молодец! Настоящая подруга! Лихо все завернула! Теперь бы только не оплошать. То, что так хорошо началось, должно так же хорошо и закончиться. А то прямо стыдно будет перед заботливой подругой...

– Вам куда? – спросил Нелю Алексей, когда они забрались в салон «желтого такси» нового образца.

– В К-купчино. Н-на Малую Бухарестскую, – запинаясь от неожиданного поворота событий, пролепетала Никодимова.

Алексей наконец улыбнулся настоящей широкой улыбкой и сказал:

– Мы действительно живем рядом. Я – на Малой Карпатской.

Неля в этот восхитительный момент смогла только согласнo кивнуть, красиво качнув своими специально для него завитыми локонами.

До самого Дунайского проспекта новый Оксанкин товаровед молчал. Молчала и Неля, потому что никак не могла придумать, что бы такое значительное сказать. Она несколько раз тяжело вздохнула, и Алексей наконец разродился, но всего одним словом:

– Болит?

– Болит, – согласилась Неля, с трудом вспомнив, что у нее должно болеть.

– Если бы сразу, то можно бы холодный компресс, – сказал он. – А теперь уж что...

– Да... теперь уж что... – эхом откликнулась Никодимова.

– Теперь уж только согревающий...

– Я обязательно сделаю согревающий...

Неле очень хотелось, чтобы он посоветовал ей еще что-нибудь, но Алексей, пристально глянув в окно, спросил:

– А вы не будете возражать... Неля, кажется (она быстро кивнула, потому что заранее знала, что ни в чем не станет ему возражать), если мы по пути заедем в детский сад?

– В детский сад?! – Никодимова так удивилась, будто Алексей признался в том, что сам является его воспитанником и собирается после Оксанкиной комиссионки поспеть еще и на тихий час.

– Да... у меня там дочка... Наташенька... Она, знаете ли, ненавидит детский сад, а сегодня как раз есть возможность забрать ее пораньше. – Он всем корпусом развернулся к Неле, которая еще раз поразилась совпадению цвета их глаз, и, благородным жестом прижав правую руку к груди, заверил: – А потом мы с Наташенькой обязательно поможем вам добраться до дома! Она у меня славная! Вот увидите!

Неля Никодимова уже ни на что не хотела смотреть. На ее голубенькие глазки набежали слезы, которые она сдержать

так и не сумела. Да и чего сдерживать? Только что родившаяся мечта об общности взглядов уже лопалась мыльным пузырем. Конечно же, он женат! И даже имеет собственную Наташеньку, которая ненавидит детский сад! Оксане, видимо, просто не удалось у него спросить о семейном положении. Э-э-х, такая красивая комбинация разваливалась на глазах!

Слезы мелкими капельками побежали по крутым николаевским щекам.

– Неужели так больно? – участливо спросил Алексей и даже выдал ей собственный потрясающей чистоты платок с клетчатой каемочкой.

Неле очень хотелось швырнуть этот платок ему в лицо, но она не посмела. В чем он, собственно, виноват? В том, что она, как только его увидела, так и запала на него? Пришлось промокнуть глаза, стерев при этом вместе с тушью половину своей привлекательности.

– Но если так... то мы... конечно... сначала завезем вас... – растерялся товаровед.

– Нет-нет, – всхлипнула Неля. – Какая разница? Давайте сначала заберем вашу дочь, раз уж она так ненавидит детский сад. Я, знаете, тоже его здорово ненавидела вместе с тамошней манной кашей...

Последнее Нелино заявление так понравилось Алексею, что он опять улыбнулся и стал объяснять водителю, каким образом лучше всего проехать к нужному детскому саду.

Неля сидела в машине возле ограды детского сада с по-

тухшим взором и размышляла о причинах своей невезучести, когда дверца с грохотом распахнулась. Неля вздрогнула, а рядом с ней на заднем сиденье в одно мгновение оказалась удивительно некрасивая большеротая девочка. Она была в нелепой розовой вязаной шапке, которая совершенно не шла ни к ее лицу, ни к цвету волос, такому же рыжему, как у отца. Из-под темно-синей мальчиковой куртки выбивалось салатное фланелевое платишко с отвратительными катышками, свидетельствующими о долгой носке.

«Вот так мамаша! – с неприязнью подумала о жене Алексей Неля. – Мужу – так чуть ли не накрахмаленный платочек, а девчонку нарядила, будто огородное чучело!»

– Познакомься, Наташенька! – ласково пропел Алексей, когда они уже ехали к Малой Бухарестской. – Это тетя Неля. У нее болит ножка, и мы с тобой сейчас поможем ей дойти до дома.

– Как у муравья? – простуженным басом спросила Наташенька и очень смачно шмыгнула носом.

– При чем тут муравей? – удивился товаровед.

– Солнце скроется, муравейник закроется... Я инвалид, ножка болит, – Наташенька процитировала классика отечественной детской литературы и еще раз шмыгнула носом.

– А-а-а! В этом смысле! – Алексей очень обрадовался, что дочь так хорошо себя рекомендует при посторонних, и наставительно заметил: – В этом смысле ты права. Всегда надо помогать тем, кто в твоей помощи остро нуждается!

Неля Никодимова не нуждалась ни в чьей помощи вообще, а уж в помощи такого нелепого существа, как дочь Алексея, тем более, но машина уже подрулила к ее подъезду, и нужно было из нее выходить и изображать из себя опаздывающего в муравейник муравья. Стоило ей ступить на твердый асфальта, ведущую к дверям, как Наташенька тут же прилепилась к ее локтю, не столько помогая, сколько повиснув на нем. Попросив водителя подождать, Алексей пристроился с другой стороны, и они оба, преисполненные гордостью от своей миссионерской деятельности, потащили тяжеленькую и фальшиво хромающую Нелю к подъезду.

Когда дверь квартиры распахнулась, Наташенька все тем же простуженным басом спросила:

– Там у вас что? – и мгновенно просочилась в прихожую.

– Наташа! Немедленно вернись! – крикнул в гулкую глубину квартиры Алексей и беспомощно посмотрел на Нелю. Та пожала плечами и вынуждена была пригласить его зайти.

Наташенька уже сидела с ногами на пуфике возле зеркала и красила себе губы красной помадой, которая вчера была куплена Нелей к Оксанкиному сарафанчику с маками.

– Что ты делаешь, негодная девчонка! – рассердился папаша, бросился к дочери, вырвал у нее помаду, прочертив кровавый след на розовой веснушчатой щечке, и сильной рукой вдруг нечаянно отломил красный столбик у самого основания. – Простите... – прошептал он, стараясь не глядеть на Нелю, – я вам куплю... обязательно... точно такую же...

Неля хотела сказать, что не стоит беспокоиться, поскольку таких помад в магазине навалом, а до лета, когда она пригодится к сарафанчику и красной сумочке, еще очень далеко, но не успела. Наташенька вдруг залилась громоподобным плачем, завалившись всем телом на туалетный столик и расплющив при этом тюбик с тональным кремом.

– Это она... потому что спать пора... в детском саду тихий час... вот дочь и капризничает... – извиняющимся тоном начал объяснять Неле Алексей, одновременно пытаясь отодрать Наташеньку от туалетного столика.

Он сам здорово перемазал брюки выдавившимся из лопнувшего тюбика кремом персикового тона, но с ревушей дочерью так ничего и не смог сделать, потому она отчаянно цеплялась за зеркальную створку.

– М-может, пока чаю... – предложила совершенно растерявшаяся Неля. Ей уже представлялись полностью раскуроченная Наташенькой квартира и возвратившаяся от больной сестры мама, впавшая по этому поводу в нервный шок. Единственное спасение Неля видела в пирожных, которые находились у них в холодильнике и которые, как всякие сладости, непременно должны любить дети. – С эклерами...

– Нет, ну что вы... не стоит беспокоиться... – живо отказался Алексей, а Наташенька особенно басисто рыкнула и завопила:

– Хочу эклеров!!!

– Ну вот видите... – развела руками Неля и поспешила в

кухню, забыв, что надо хромать, но Алексею тоже было не до ее псевдовывихнутой ноги.

Такси, конечно, пришлось отпустить. Наташенька, поедая эклер, в подробностях пересказала Неле сначала историю про муравья, потом книжку «Чей нос лучше?», а потом заснула прямо за столом с надкушенным третьим эклером в замурзанных пальчиках, которые она наотрез отказалась мыть перед едой. Ее ничуть не испугали налипшие на них болезнетворные микробы, о которых в два голоса пронудели ей Алексей с Нелей. Видимо, микробы казались девочке такими же своими ребятами, как бианковские насекомые, с готовностью помогавшие муравьишке вовремя поспеть в муравейник.

– Вы извините, Неля, что так получилось, – смущенно сказал Алексей, с любовью глядя на некрасивое личико спящей дочери. – Сейчас я еще раз вызову такси, и мы освободим вас от нашего присутствия.

– Ничего страшного, – опять пожала плечами Никодимова, философски закончив: – Всякое бывает...

– Кстати, как ваша нога? – вспомнил отец Наташеньки, которому вдруг стало стыдно, что из-за его дочери этой ноге так и не было уделено должного внимания.

– А вы знаете, она вдруг совершенно перестала болеть! – улыбнулась Неля, которой окончательно опротивело притворяться, тем более что и особой нужды в этом уже не было.

– Но вы все равно сделайте на ночь компресс, – посовето-

вал Алексей.

– Обязательно сделаю, – согласилась она.

Когда Оксанкин товаровед с виноватым лицом вынес свою спящую дочь из квартиры на лестницу и за ними захлопнулась дверь, Неле очень захотелось заплакать. Она уверяла себя, что ничего плохого не случилось, а даже наоборот, случилось хорошее: она увидела, какие страшенькие дети получают от этого Алексея, а потому не стоит о нем и сожалеть, но слезы почему-то сами собой катились и катились по ее круглому лицу и капали прямо на густо-оранжевый джемперок, расплываясь на могучей Нелиной груди темными грустными пятнами.

А поздним вечером позвонила Оксана и коротко спросила:

– Ну как?

– Как-как! Никак! – отрезала Неля. – Неужели ты как работодатель не могла узнать, что товаровед женат! В конце концов, ты имеешь право знать его семейное положение: мало ли придется оставить его работать сверхурочно!

– Нель! Он сказал, что не женат... – растерялась Оксана. – Неужели соврал? Тогда я зря приняла его на работу. Зачем мне товароведы, которые врут по пустякам?

– Вот-вот! Ты завтра приглядишься к нему получше! У него еще и ребенок имеется! Уж-жасная дочь!

– Про ребенка-то он мне сказал... И про детский садик, из которого надо забирать его обязательно до шести. Я еще

спросила, а не может ли это делать жена, а он сказал, что у него нет жены... А откуда ты взяла, что она у него есть?

Теперь растерялась Неля. А действительно, с чего она взяла, что у него есть жена? Платочек, конечно, был чистый и отглаженный, но... с другой стороны, девчонка одета так, будто у нее вместо матери злобная мачеха, которая непременно отправит ее за подснежниками в самую лютую зиму.

– Ну-у-у... я не зна-а-аю... – протянула Неля. – Я подумала, что если есть ребенок, то и жена должна быть...

– Так, он сам тебе про жену ничего не говорил?

– Ничего...

– Значит, все-таки нет жены! Значит, не соврал! – обрадовалась Оксана.

– А как же ребенок? – не сдавалась Неля.

– Себе, видать, забрал при разводе. Такое, знаешь, тоже бывает!

– Бывает, конечно...

– Что ты какая-то заторможенная? – рассердилась Оксана. – В моем кабинете пожирала Алексея глазами, а теперь лопочешь что-то невнятное. Выходит, я зря старалась, такси вам организовывала? Ты хромать-то не забывала?

– Не забывала, но, понимаешь, я все время думала, что у него есть жена, а потому... ну... в общем... ничего не сумела...

– Раньше ты мне с таким воодушевлением пересказывала журнальную статью о том, как завоевать женатого мужчину,

который, как оказалось, вовсе даже и не женат, а теперь в кусты, да?

– Оксанка, ты не представляешь, какая у него дочь! Это же гремучая смесь лягушки, муравья и терминатора.

– Ты что, ее видела?

– Она самовольно проникла в мою квартиру, раздавила тональный крем, который мне подарила Валька с четвертого этажа, и сожрала почти три эклера за один присест!

– И сколько же ей лет?

– Не знаю... Лет пять, наверно.

– Тогда все еще поправимо. Ты вполне можешь ее перевоспитать в своем вкусе!

– Ты думаешь?

– Я просто уверена!

Когда подружки попрощались, Неля еще раз представила себе дочку Алексея. Вообще-то если ее отмыть от болезнетворных микробов, приодеть, то, может, она и сойдет за нормальную девочку. Все-таки Наташенька здорово похожа на своего отца, который Неле сразу понравился.

Глава 3

Оксана

Оксана жила без Корнеева уже третий год. Без него она за просто тронулась бы умом, если бы не магазин. Он окупился через полтора года и, возможно, лишь потому, что Оксана занималась им столько времени в сутки, сколько мог выдержать ее организм. Одно вытекало из другого и питало друг друга: из жизни исчез любимый человек, и она потеряла бы смысл, если бы в ней не возник не менее любимый магазин «Новый взгляд». Оксана теперь шла по жизни не только с новым взглядом на старые вещи, но и на все остальное. Из любовницы и содержанки она превратилась в довольно удачную предпринимательницу. Ее магазин не давал сумасшедших прибылей, но хватало не только на жизнь, но и на постепенное превращение секонд-хенда, как продолжала пренебрежительно называть его Нелька, в элитную комиссионку.

Почему Оксана открыла именно комиссионный, а не какой-нибудь другой магазин, объяснялось довольно просто. Она очень любила старые вещи. Дома, на антресолях, в кладовках и просто в шкафах, не навалом, когда в никому не нужном, проеденном ржавчиной ведре можно найти старый конек и кокетливый хорошо сохранившийся шарфик, а в аккуратных коробочках у нее хранились бесчисленные вещи-

цы, оставшиеся от мамы и бабушки. Например, две театральные сумочки. Одна побольше, из черного бархата, вышитая по одной стороне цветами из золотых нитей и с цепью из гра-
ненных колец вместо ручки. Другая, черная с белым, на ви-
тых шелковых шнурах, с покрытием под крокодиловую ко-
жу, совсем крошечная, но раскладывающаяся в целое полот-
нище с многочисленными кармашками и зеркальцами: про-
стым и увеличительным. А еще: большая подарочная короб-
ка с парфюмерией под названием «Голубой ларец». Парфю-
мерии в ней, конечно, уже не было, зато остались матовые
витые флаконы из-под духов и одеколона, похожие на право-
славные храмы, и емкости в виде перламутровых раковин из-
под рассыпчатой пудры и крема. Оксана хранила кружевную
накидку с серебряной нитью, удивительное выходное платье
из золотой парчи и много других потрясающих вещей, ко-
торые уже никогда не могут быть использованы, поскольку
давно вышли из моды, но остались трогательно прекрасными
и как бы хранящими в себе остановившееся время. Исходя
из этой любви к старым вещам, Оксана, конечно, с большим
удовольствием открыла бы антикварный магазин, но пони-
мала, что не потянет. Там крутятся совсем другие деньги,
да и знания нужны специальные, не говоря уже и об особых
клиентах. Ей все-таки хотелось спать спокойно.

Однажды, томясь в очереди к участковому терапевту, Ок-
сана, чтобы развеять скуку, взяла со столика самый чистый
и незатрепанный журнал под названием «Бизнес СПб». Его

почти первозданная чистота свидетельствовала о том, что для скучающих и болезненных граждан он не представлял никакого интереса. Оксана пролистнула его страницы и решила, что ей он тоже не по зубам, поскольку вместо кроссвордов, кулинарных рецептов, анекдотов и сплетен о народных кумирах содержит бесчисленное количество графиков, диаграмм и нудных колонок с цифрами. Подобного рода издания Оксана раньше никогда не держала в руках, а графики и диаграммы еще со времен школьного детства наводили на нее смертельную тоску. Она как раз собиралась бросить «Бизнес СПб» в общую кучу со «Знахарями», «Отдохни» и «Садоводством», когда вдруг под рубрикой «Выгодное дело» в глаза ей бросилась статья о комиссионках. Несмотря на многообещающую рубрику, статья честно рассказывала обо всех подводных камнях этого бизнеса, но будущая владелица «Нового взгляда», что называется, сразу на это дело запала.

Первым товаром в ее магазине действительно стали вещи из Оксаниных шкафов и с полок: те самые, которые дарил ей Корнеев. И не только одежда и обувь. Она принесла в свой магазин несколько вазочек и экзотических статуэток, которые Иван привозил ей из зарубежных поездок. Ей хотелось плакать навзрыд по утраченной любви, когда почти сразу были куплены две эбеновые африканские девушки, длинноногие и прекрасные. Борясь со слезами и специально оттягивая время расставания с черными фигурками, Оксана лично и довольно долго заворачивала каждую в тонкую мягкую бу-

магу, лаская пальцами их деревянные тела. Ей казалось, что она навсегда запомнила их покупательницу, немолодую элегантную женщину в темных очках на желтоватом матовом лице с коралловыми губами.

Потом в магазин понесли вещи жители близлежащих домов или, как их надо было правильно называть в комиссионной торговле, комитенты. Но Оксана сразу отказалась принимать на комиссию абы что. Ей невозможно было всучить ни траченные молю меха, ни кримпленовые костюмы семидесятых годов прошлого века, ни безухих плюшевых медведей, ни облезлых деревянных пирамидок. Она не брала бобинных магнитофонов, детских колясок, лыж, коньков и гитар с лопнувшими струнами. Только первое время принимала советские пылесосы «Вихрь», стиральные машины «Сибирь» и отечественные электробритвы. Иногда, из жалости, она брала у полунущих пенсионеров вещи, которые никогда никто не купит, и платила им из своего кармана, но старалась делать это не слишком часто. Всем обездоленным все равно не поможешь, всех несчастных не спасешь своим участием.

Алексей Пылаев, которого Оксана очень удачно взяла на место товароведа, сразу предложил оснастить магазин несколькими компьютерами и наладить торговлю еще и через Интернет. Очень скоро из товароведа, должность которого он тем не менее продолжал исправно выполнять, Пылаев превратился почти в компаньона, который жил делами их магазина, как сама Оксана. Конечно, он не вкладывал в

ее дело собственные деньги, но доходами, полученными от торговли через Интернет, магазин был обязан только ему.

Ежедневно к шести часам Алексей ездил в детский сад за дочерью, привозил ее в магазин, и она, бедолага, кантовалась в его задних помещениях до глубокой ночи, засыпая в каком-нибудь шкафу, в обнимку с фарфоровой статуэткой, или на клавиатуре компьютера самой старой модели, который Оксане безвозмездно отдала приятельница. Компьютер так медленно загружался и так трудно «соображал», что очень скоро был предоставлен девочке почти в полное владение. Оксане некогда было не только приласкать дочку Пылаева, но даже и просто пожалеть. Она воспринимала болтающуюся в магазине страшненькую Наташеньку как некую издержку ее бизнеса, с которой хочешь не хочешь, а приходится мириться. А девочка иногда открывала дверь ее кабинета и подолгу смотрела на нее в образовавшуюся щелку. Оксана иногда подмигивала ей и тут же погружалась в свои дела, мгновенно забывая о дочери товароведа.

Алексей Пылаев иногда бросал на Оксану странные взгляды, всерьез задуматься о значении каковых ей тоже было недосуг. Это во-первых. А во-вторых, после красавца Корнева странно было бы всерьез воспринимать не слишком высокого Пылаева, рыжего, до умопомрачения веснушчатого и обремененного необыкновенно некрасивой и довольно-таки нахальной дочерью. В-третьих, на Алексея всерьез претендовала Нелька. Она строила ему глазки, наведываясь в магазин

чуть ли не каждый день. Сейчас, в довольно-таки прохладном июне, она ежедневно рядилась в тот самый открытый сарафан с маками, который ее, несомненно, здорово украшал, как украсил бы любую женщину. Оксана уже сто раз пожалела, что продала его подруге. Сарафан купил ей Корнеев в одну из тех самых памятных поездок в Анталию и остался единственной из вещей, которые были с ним связаны. Каждый раз, когда Нелька его надевала, на Оксану накатывали ненужные воспоминания и мешали работать.

Наташенька по старой памяти называла Никодимову тетей Муравьем, хотя она, скорее, была похожа на хорошенькую кругленькую божью коровку. Алексей, который давно понял, что от него хочет тетя Муравей, при виде Нельки покрывался нервным малиновым румянцем и прятался за первый попавшийся манекен или компьютер. Никодимова старалась этим не смущаться. Надеясь приручить непокорного товароведа через дочь, Нелька закармливала ее пирожными, конфетами и прочими сладостями. Наташенька трескала их так, что за ушами трещало, но от этого Алексей Пылаев почему-то никак не делался ближе тете Муравью.

– Знаешь, подруга, я считаю, что ты должна мне как-то помочь, – заявила однажды Никодимова.

– Как ты себе это представляешь? – спросила Оксана, понимая, что речь идет об Алексее.

– Ну-у-у... не знаю... Может, организовать какую-нибудь корпоративную вечеринку, куда я буду приглашена в каче-

стве своего человека для вашего «Нового взгляда» и личной твоей подруги.

– Так нечего праздновать. Лето же, – отозвалась Оксана.

– Можно всегда придумать, что праздновать. Было бы желание. Вот посмотри, в этом журнале написано... – и Нелька шлепнула на рабочий стол подруги очередной пестрый журнал и принялась зачитывать подчеркнутую фразу: – «На корпоративных вечеринках служебные отношения сотрудников принимают более непринужденный характер и при умелом ведении дела всегда могут перерасти в нечто большее...»

– Ты же не сотрудница моей комиссии.

– Знаешь, Оксана, последнее время я стала подумывать: не перейти ли мне к тебе работать. Твои девчонки из торгового зала наверняка получают больше, чем я в заводской медсанчасти, ведь правда?

«Девчонки из торгового зала», конечно, получали больше, но «Новый взгляд» вовсе не нуждался в дополнительной продавщице. Штат был укомплектован. А Нелька со своей бешеной любовью к Пылаеву может внести в работу излишнюю нервозность. Хватит с нее, с Оксаны, лягушонка Наташеньки! Если по ее магазину каждый день будет разгуливать еще и тетя Муравей в красных маках, то все, что с таким трудом создавалось годами, может с треском развалиться в один момент от усилий толстеньких Нелькиных ручек и под пристальным взглядом ее голубеньких глазок.

– Ты же презираешь коммиссионную торговлю! – пыталась

ухватиться за соломинку Оксана.

– Это я раньше презирала по недомыслию и недальновидности, – охотно бичевала себя Нелька. – А теперь, глядя на твои несомненные успехи и очень хорошие вещи на полках, я полностью пересмотрела свои взгляды. Так как?

– Что как? – пытаюсь оттянуть неприятный момент отказа, пробормотала Оксана.

– Ну... ты же берешь меня на работу! – В голосе Нельки не слышалось никаких вопросительных интонаций. Она была уверена, что лучшая подруга не сможет не взять ее к себе в магазин. Если не возьмет, тогда вообще непонятно, зачем нужны лучшие подруги.

– Понимаешь, Неля... штат у меня полностью укомплектован...

– Ну и что? Ты же частное лицо, а не отдел кадров заводской медсанчасти. Возьми и придумай для меня какую-нибудь новую должность. Кто тебе сможет помешать?!

– Но мне больше никакая должность не нужна... – как можно ласковее пыталась втолковать ей Оксана, но Нелька ничего не хотела понимать.

– Мало ли, что не нужна! Я же не бездельница какая! Да я уколы делаю лучше, чем все остальные! Ты же знаешь! Ко мне специально ходят...

– Нель, но здесь же не надо делать уколов...

– А вдруг какой-нибудь старушке станет плохо? Она принесет тебе на комиссию свою вазочку, которую ей в нача-

ле прошлого века подарил собственный ее возлюбленный, и все! Удар на нервной почве от потери драгоценной для нее вещи! А тут как раз я со шприцем!

– Неля! Ну что ты несешь? Если кому-нибудь станет плохо у меня в магазине, я всегда могу вызвать «Скорую помощь»! И потом... никакие бабушки с вазочками ко мне больше не ходят. У меня теперь совсем другая специализация!

– Ну хорошо! К черту шприц! Например, я могла бы обзванивать клиентов! Зачем тебе на это дело отвлекаться? Ты... ворочай делами по-крупному... а я просто буду на подхвате! Я же вчера видела, как ты изнемогала, когда разговаривала по телефону с одной навязчивой особой, когда тебе надо было срочно бежать в банк!

Неля, что называется, наступила на самую больную мозоль хозяйки «Нового взгляда». Комитентами и покупателями Оксаниного магазина теперь действительно были не старушки с вазочками, а женщины среднего возраста разных социальных слоев. Одни желали избавиться от еще хороших, но уже надоевших вещей, другие мечтали их купить по более низкой цене, чем в обыкновенных магазинах. В «Новом взгляде» велась специальная тетрадь, где были указаны телефоны и адреса постоянных комитентов и покупателей. С ними поддерживалась постоянная связь. В этой тетради, например, было записано, кто ждет летнюю блузочку 48-го размера и кто обычно сдает вещи именно такого размера. Магазин старался найти хозяина для каждой вещи, и это явля-

лось прямой Оксаниной обязанностью, на которую она тратила уйму времени. Неудивительно, что предложение Нели поспело как нельзя кстати. Никодимова много лет проработала с больными людьми, которые капризничают покруче дамочек, желающих купить хорошую вещь, а заплатить за нее как можно меньше. Немного подумав, Оксана решила, что подруга вполне может справиться с обзвоном клиентов магазина.

– Знаешь, Неля... я подумаю над твоим предложением, – сказала она.

– И когда же ты решишь? – Никодимова даже раскраснелась не хуже маков на сарафане, поскольку почувала, что подруга вот-вот сдастся.

– Я позвоню тебе, Нелька, вечером. Только сейчас ты уж, пожалуйста, мне не мешай!

– Хорошо! Ухожу! А ты не забудь позвонить, ладно? И заодно подумай насчет корпоративной вечеринки! Как раз можно будет отпраздновать прием на работу нового сотрудника!

Оксана кивнула, и Никодимова вихрем вынеслась из ее кабинета.

Через некоторое время после ее ухода в кабинет вошел Пылаев, нервно красный и взвинченный. Наверно, Нелька прижимала его своей грудью в маках в каком-нибудь из углов магазина. Оксана чуть не расхохоталась при виде несчастного взъерошенного Алексея. Вот и принимай Нельку на рабо-

ту! Да от Пылаева одни рожки да ножки останутся. А как ей без него работать? Другого такого помощника днем с огнем не сыщешь! Как ей все-таки повезло, что именно он откликнулся на ее объявление!

– Оксана Юрьевна, мы можем ехать, – сказал Алексей. – Такси через пять минут будет у входа.

Дня три назад в «Новый взгляд» во время своего «шопинга» случайно забрела скучающая жена крупного бизнесмена. Она купила две парные статуэтки Дулевского фарфорового завода в виде целующихся парочек в пышных нарядах восемнадцатого века и без церемоний прошла в кабинет Оксаны. Анна Николаевна Ракова, как представилась дама, сказала, что к новому летнему сезону желает освободить от старой коллекции один из гардеробов, и пригласила служащих магазина в свою квартиру, чтобы оценить вещи. Разумеется, Оксана тут же согласилась. Уже достаточно повращавшись и хорошо потершись в комиссионных кругах, она знала, что прослойка людей, которые легко расстаются с дорогими вещами, отдавая их за «смешные» деньги, очень мала. Еще бы: купленную за пять тысяч долларов «Chanel» жаль отдавать всего за триста, а магазины типа Оксаниного большего предложить не могли. Поэтому многие состоятельные женщины предпочитали просто коллекционировать вещи и не расставаться с ними, даже если понимали, что никогда больше их не наденут.

Таким образом, случайно завернувшая в «Новый взгляд»

Анна Николаевна Ракова была несомненным подарком для магазина.

Огромная пятикомнатная квартира Раковых находилась в старом доме на Разъезжей улице. Совсем недалеко, на улице Печатника Григорьева, жил Иван Корнеев. Оксана даже не подозревала, что так расстроится, попав в этот район. Она и была-то у Ивана дома всего раза три, но этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы у нее запульсировало в висках и заломило затылок, когда машина ехала мимо знакомых домов и дворов. Видимо, она здорово изменилась в лице, потому что Пылаев даже спросил, не стало ли ей плохо. Оксане пришлось сказать, что в легковых машинах ее всегда укачивает, но она сразу придет в себя, как только они выйдут из такси на свежий воздух.

– Вам лучше? – спросил Алексей, когда они уже поднимались по широкой, облицованной гранитом лестнице на третий этаж.

Она кивнула, чтобы он отвязался от нее. Лучше ей не стало, потому что и стать не могло. Ей стало значительно хуже. Лестница была почти такая же, как в доме, где жил Иван. Такие же отполированные до благородного блеска деревянные перила, такие же широкие подоконники из белого и голубоватого мрамора, двустворчатые двери квартир.

В один очень счастливый вечер, каких в ее жизни было немного, Корнеев пригласил Оксану в ресторан. Она не пом-

нит, танцевали ли они там и что ели и пили, потому что важным для нее тогда было совсем другое. Возвращаясь к Ивану домой за полночь, они медленно поднимались по такой же лестнице, целуясь на каждой площадке, а потом устроились на холодном мраморе подоконника, где Корнеев сказал Оксане, что она – самая главная женщина его жизни. Она навсегда запомнила не только его голос, гулко раскатывающийся по подъезду, но и запах его признания. На лестнице отремонтированного для состоятельных людей дома пахло не кошками и помойкой, а цитрусовой свежестью новомодных отдушек и чуть-чуть эмульсионной краской. Возможно, разгоряченные вином и близостью друг к другу, они с Корнеевым остались бы на этом широченном подоконнике на всю ночь, если бы не соседи Ивана. Эти соседи, как показалось влюбленным, чересчур демонстративно и долго возились со своими многочисленными замками. В пику им Корнеев сгреб Оксану в охапку и понес к себе в квартиру. И они не спали всю ночь, а потом провели вместе еще и целый день. Тогда Оксана была уверена, что будет вместе с Иваном всю жизнь...

Квартира Раковых тоже была похожа на корнеевскую, хотя чуть ли не в два раза больше. Мода есть мода, и люди отделывали свои жилища стандартно. Различие состояло только в качестве и цене отделочных материалов. На стенах прихожей Анны Николаевны полированные панели темного дерева перемежались с зеркалами почти в той же последователь-

ности, что и в квартире Ивана. Оксана с тяжело бьющимся сердцем брела по коридору, и ей казалось, что в комнате она непременно встретит Корнеева. Она тяжело дышала. Пылаев бросал на нее тревожные взгляды, а она лишь вымученно улыбалась ему.

Оксана несколько отдышалась лишь в гардеробной, где госпожа Ракова вывалила перед комиссионщиками кучу фирменных шмоток в очень хорошем состоянии. Тут были и многочисленные блузки и платья, и обувь, и джинсы. Оксана и Пылаев боялись, что Анну Николаевну не устроят цены, которые они ей могут предложить, но женщина сразу соглашалась с каждой суммой, которую они называли, и совершенно не торговалась. Заметив удивленные взгляды представителей комиссии, Ракова улыбнулась и сказала:

– Я все равно это никогда больше не надену, а потому рада, что вы хоть что-то заплатите за бросовый товар.

Оксана как раз держала в руках потрясающей красоты пестрое шелковое платье, которое никогда не смогла бы назвать бросовым товаром. Она знала, что все наряды Анны Николаевны у них сметут из магазина в считанные дни. Как говорила одна из их постоянных покупательниц, только товары «Нового взгляда» дают ей возможность примирить высокую моду с собственной низкой зарплатой. Уж она непременно купит и это платье, и, пожалуй, еще несколько других, поскольку они как раз ее размера.

– Думаю, что могу вам предложить еще шубу из рыжей

лисы и очень неплохое демисезонное пальто, – сказала Ракова и направилась ко второму шкафу.

– Нет-нет, не стоит беспокоиться, – остановила ее Оксана. – Дело в том, что покупатели приходят в комиссионные магазины за сезонными товарами и ничего не покупают впрок. Мы с удовольствием купим у вас пальто и шубу в начале осени, если вы, конечно, не передумаете.

– Не передумаю, – улыбнулась Анна Николаевна. – Осенью вы сможете получить одежду не только у меня. Две моих приятельницы тоже собираются несколько порастрясти свои гардеробные. Честно говоря, мы с подругами хотели отнести свои вещи в какую-нибудь благотворительную организацию, но если их еще можно продать, то почему бы этого не сделать!

– Будем очень рады, если ряды наших постоянных комитентов пополнятся! – ответно улыбаясь, сказала Оксана, делая особый упор на слове «постоянных».

– Комитенты это?..

– Это те, кто сдает товар, – продолжала улыбаться Оксана, хотя ей очень хотелось разрыдаться, бросившись на гору фирменных тряпок госпожи Раковой.

Ее, Оксану Юрьевну Демину, нынешнюю владелицу комиссионного магазина «Новый взгляд», безжалостно выбросили из мира Раковых и Корнеевых как устаревшую модель наложницы и содержанки, легко найдя ей замену в лице молоденькой белобрысой куклы. Она, Оксана, – товар второй

свежести, секонд-хенд, и ею теперь вполне может попользоваться скромный товаровед комиссионки Алексей Пылаев. А что? Зря он, что ли, в полном соответствии со своей фамилией бросает на нее все более и более пылкие взгляды.

Еле сдерживаясь от подступающих к горлу рыданий, Оксана попросила Пылаева оформить положенные бумаги, к несказанному удовольствию хозяйки, прямо на дому.

– А машину за вещами, с вашего разрешения, мы пришьлем завтра, – напоследок сказала она новой и очень выгодной клиентке.

– Но мы можем забрать их и сегодня, – возразил товаровед.

– Нет, Алексей Дмитриевич, не сегодня! – уже почти не владея собой, нервно бросила ему Оксана. – Разве вы забыли, что нас с вами ждет еще один клиент?!

– Ах да... Совершенно вылетело из головы... – сказал Пылаев, хотя точно знал, что никто их больше не ждет.

– Я буду в машине, – еле выговорила Оксана и стремительным шагом покинула гостеприимную квартиру госпожи Раковой.

Едва забравшись в салон такси, она разрыдалась так громко, что удивленный водитель вынужден был спросить:

– Э-э! Случилось чё?

– Не ваше дело! – буркнула Оксана. – Вам вперед уплачено... Мало, так еще накинута!

– Чё мало? Не мало! Нормально! Я как человек спросил!

И неча хамить! Водители, между прочим, тоже люди!

Когда в машину забрался Пылаев, Оксану была уже самая настоящая истерика. Алексей вопросительно посмотрел на безучастно кутившего в окошко водителя. Тот развел руками и презрительно бросил:

– Не велено расспрашивать! Сказано, что за все вперед уплачено!

– Оксана Юрьевна! – тихо позвал ее товаровед. – Куда едем-то?

– Д-домой... – прорыдала она. – Отвезите меня, п-пожалуйста, домой...

Алексей с трудом довел свою начальницу от машины до ее квартиры. Она совершенно ослабела и еле передвигала ноги. Попасть ключом в замочную скважину Оксана никак не могла, и Пылаеву пришлось самому открывать дверь. Прямо в прихожей она повалилась на пол, пролепетав ему, что он может идти.

– Но я не могу оставить вас в таком состоянии! – сказал он. – Вызвать врача?

– Н-не надо... – отмахнулась она. – Н-не п-поможет...

– Может, я... как-то помогу? Вы только скажите, Оксана Юрьевна...

Все еще конвульсивно вздрагивая, она, оглядев тяжелым взглядом Пылаева, ответила:

– А что? Возможно, именно вы и сможете мне помочь! – и истерично расхохоталась.

Он болезненно скривился и сказал:

– Сейчас, одну минуту... – и вытащил из кармана мобильник. Нажав на одну из кнопок быстрого набора, он почти прошептал в трубку, отворачиваясь от Оксаны: – Мама! Это я, Алексей! Возьми, пожалуйста, Наташу из садика! Очень нужно... Да на работе я... Мама! Ну я же так редко тебя прошу! Да заберу я ее у тебя... ну конечно... сегодня же вечером заберу!

Оксана, перестав плакать и только изредка вздрагивая, во все глаза смотрела на своего товароведа. Надо же, на какие жертвы ради нее идет! Она уже знала, что мать Пылаева живет в одной квартире с его младшим братом, у которого трое детей и самой маленькой дочке всего семь месяцев. Алексей практически никогда не подкидывал свою дочь матери и брату, потому что понимал, как тяжело при этом будет и родным, и самой Наташе.

Пылаев спрятал мобильник и обернулся к Оксане. Она все еще сидела на полу, но уже на все решилась. Да, она товар второй свежести, но Алексею нравится. Это видно невооруженным глазом. А ее уже третий год не обнимали мужские руки. Пусть сегодня ее обнимет Пылаев. Хоть кто-нибудь... только чтобы не чувствовать себя брошенной, несчастной, одинокой. При этих мыслях из глаз ее опять полились слезы. Она закрыла лицо руками, а он опустился на пол рядом с ней и действительно обнял и прижал к себе, поглаживая по волосам и утешая дурацкими словами, что все пройдет и

станет гораздо лучше, чем было. Наверно, таким же образом он утешал свою Наташеньку, когда та плакала, разбив коленку. Но Оксане уже было все равно. Она готова побыть для Алексея не только Наташенькой, а вообще кем угодно, лишь бы он продолжал обнимать ее, лишь бы она чувствовала себя кому-то нужной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.